

Лучше говорить на отвлечённые темы...

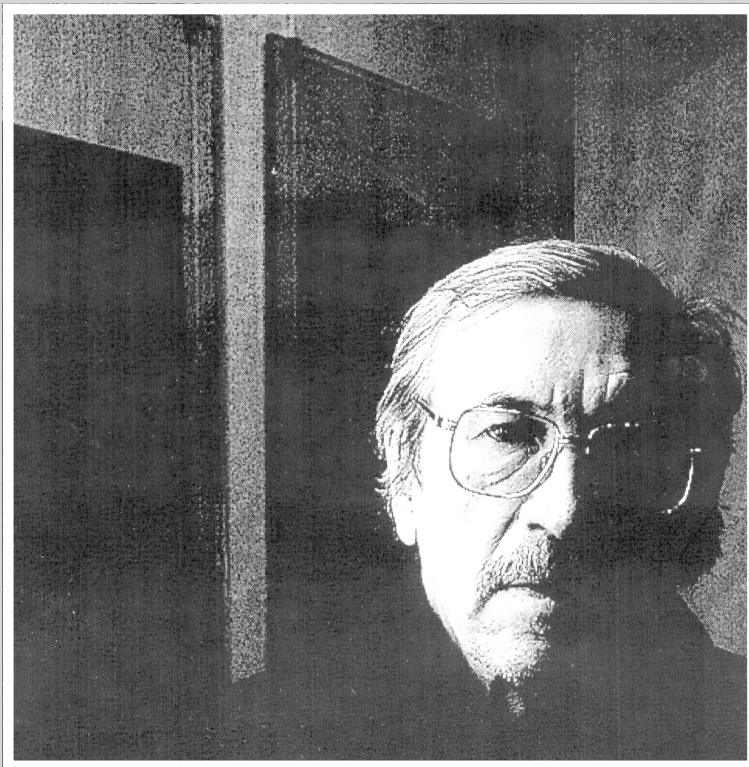
*Юлия
Логина*

диалог с Вулохом

Игорь Вулох родился 3 января 1938 года в Казани, окончил художественное училище, в котором некогда учился основоположник российского кубофутуризма Давид Бурлюк. Впрочем, для того рода абстрактной живописи, которой Игорь Вулох начал заниматься в 1960-е годы, важнее был опыт не русского авангарда, а американских абстрактных экспрессионистов – Джексона Поллока, Марка Ротко, Уильяма де Кунинга, чьи произведения поразили многих наших художников на знаменитой американской выставке в Сокольниках в 1959 году.

В 1957 году Игорь Вулох впервые принял участие в выставке, а в 1961 году состоялась его первая персональная выставка. И хотя он никогда не стремился ни к славе, ни к официальному признанию, живя собственной частной и очень замкнутой внутренней жизнью, и то, и другое у него есть. Правда, это не лавры академика или баснословные гонорары. Это признание тех, кто любит и ценит творчество этого отшельника, который умудрился за долгие годы своего служения искусству ни разу не изменить ни себе, ни своему видению мира. И этот его взгляд высокообразованного, по-настоящему интеллигентного человека, острый взгляд, видящий не внешнюю сторону, а обращённый вовнутрь и стремящийся разглядеть суть предмета или явления и создающий свой собственный, мистический и изысканный, мир цвета и линий, с удивительной силой передаёт тончайшие нюансы человеческих переживаний.

Осколки этого, иногда радужного и доброго, иногда печального и даже трагического, но всегда, несмотря на внешнюю замкнутость, внутренне открытого, очень эмоционального и лиричного мира разбросаны по частным коллекциям во многих странах. Например, в Салониках – в коллекции легендарного Г. Костаки, в Риме – у не менее известного Т. Гуэрра, в Барселоне, Нью-Йорке, Копенгагене, Париже, а также в крупнейших музеях (в Третьяковской галерее, в Русском Музее, в музее современного искусства г. Силкеборга в Дании)

– Игорь, ваши картины сегодня можно увидеть в музейных собраниях Дании, Швеции и Германии, но только не в наших российских музеях! Почему так произошло?

– Сложно сказать. Скорее всего сам виноват. Выставляться я, собственно, никогда и не стремился, но, с другой стороны, не было никаких встречных предложений или даже маломальского интереса. А под лежачий камень, как известно... Не знаю даже, но у меня почему-то не было особого желания выставляться, хотя в какой-то период жизни мне это могло сильно помочь...

И потом, я ведь никогда не входил ни в какие сообщества, у меня никогда не было знакомых искусствоведов нужного круга, а те люди, которые были мне близки, вроде Николая Харджиева, в то время не имели никакого отношения к госструктурам.

– Но я знаю, что Георгий Дионисович Костаки интересовался вами и даже собирал ваши работы.

– Но ведь и он тоже не представлял никакие госструктуры. Да, между прочим, я как-то успел забыть, что это был, пожалуй, единственный в нашей стране коллекционер, кто мной интересовался.

– **Расскажите, как всё началось...**

– В МОСХЕ я с 72-го года. А до этого учился в Казани, в художественном училище, которое закончил в 57-м. Будучи студентом, участвовал в выставках. Мне было тогда лет двадцать, не больше. Но я уже имел возможность вступить в Союз художников, однако никакой потребности у меня в этом не было... Я не видел себя законченным официальным художником-соцреалистом. Хотя в начале у меня были совершенно натурные вещи, но я бы их не

стал называть натуралистическими. Меня всё-таки выставляли. Просто были люди, которые меня поддерживали...

– **Где, в Казани или в Москве?**

– В Москве, конечно. У меня сложились хорошие отношения с Дейнекой, например. С такой поддержкой я мог участвовать в выставках.

– **У вас в роду были художники?**

– Никого и никогда. Но мама – это тот человек, который познакомил меня с изобразительным искусством. Я, например, от неё впервые узнал, что такое мир искусства. Да и с литературой тоже мама меня познакомила. Поэтому ту среду, в которой я рос, нельзя назвать чуждой или далёкой от художественной культуры.

– **А чем занималась мама?**

– Чем придётся. Одним словом, была служащей. Мама – коренная москвичка. Она ведь из богатой семьи промышленников была, и революция застала её врасплох. Отец из семьи военных моряков. Это был очень замкнутый кастовый мир. Мой дед был ранен во время первой мировой, на излечении оказался в Казани, поэтому отец и закончил танковое училище, так как выбора не было, разве что в речной техникум пойти, который, кажется, и открылся-то гораздо позднее. Слава богу, репрессии нашу семью обошли стороной. Наверное, потому что никаких постов они не занимали. А отец погиб в 44-м...

– **Когда начали рисовать, помните?**

– Лет с шести. А по большому счёту в классе пятом-шестом.

– **Вы сразу ощутили это как призвание?**

– Да нет. Сначала я музыкой интересовался, а рисование моё шло как бы параллельно.

– **Вы ведь джазом увлекались?**

– Был такой период, правда, очень короткий.

– **Какой инструмент?**

– Саксофон! Но это был, увы, всего лишь короткий эпизод в моей жизни... Это было в конце 40-х, в Казани. Там как раз в это время был расцвет джаза,

потому что туда в полном составе приехали репатрианты из Шанхая – знаменитый оркестр Олега Лундстрема. В смысле джаза Казань тех лет, можно сказать, была первая столица в Союзе. В Москве такого просто в то время не могло быть... Но не только, конечно, музыка. Вспомним, что и Василий Аксёнов жил здесь как раз в те же годы!

– **Ну а кого из казанских художников довоенной поры можете вспомнить сейчас?**

– Своего учителя по фамилии Подгурский, он тоже был репатриантом из Шанхая. Между прочим, его автопортрет находится в флорентийской Уффици.

– **Игорь, а когда вы переехали в Москву?**

– Переехал я, можно сказать, поневоле. По возрасту меня уже могли «забрать» в армию, единственным спасением был студенческий билет высшего учебного заведения. И вот я в Москве, открываю массивные двери Суриковского института, сверху донизу пропахшего маслом и краской. Но, как это ни странно, я не прошёл по русскому и литературе. Это, конечно, была уловка! Когда писали сочинение, я многим абитуриентам помогал и исправлял ошибки. Но я не прошёл, а они – прошли. Когда же я проявил настойчивость и стал узнавать, в чём дело, то мне откровенно сказали: «Вы уже сформировавшийся художник, и нам вас переучивать будет сложно, да и зачем?» Но у меня-то задача была другая, и я кинулся во ВГИК. Поступил, но через год ушёл...

– **Но главное, от армии-то удалось отмазаться?**

– Да, конечно.

– **Игорь, а в советские времена в выставках удалось поучаствовать?**

– Нет, только в студенческие годы...

– **А как же амбиции? Или было совершенно наплевать?**

– Я даже и сейчас считаю, что это всё равно, хотя, быть может, это и неправильно.

– **Мне кажется, что выставка, с одной стороны, это амбиции, а с дру-**

гой, она всё же стимулирует, подстёгивает, ведь в процессе могут возникнуть какие-то новые идеи. Но вопрос таков: зачем, спрашивается, нужен этот Союз художников?

– Да хотя бы для того, чтобы за тунеядство не посадили.

– **Ваши работы есть в Третьяковке или нет?**

– Вывесили они один пейзажик, который я написал в начале 60-х, очень, кстати, нехарактерный. Как он туда попал, я даже уже и не помню, хотя у них в запасниках есть работы, более для меня характерные.

– **А какие были выставки за границей?**

– В Дании была, в Музее современного искусства, в Монте-Карло в одной галерее, в Германии в галерее Попова, в Швейцарии...

– **Расскажите про ту грандиозную выставку, которая прошла в Цюрихе. Насколько я понимаю, Урс Ханнер собрал всё, что только можно было собрать. Сколько всего там было выставлено работ?**

– Работ триста, судя по каталогу. Там вообще очень большая коллекция, но моей выставкой она открывалась. Потом её в несколько разных мест повезли, в Тэйт-Модерн, например...

– **Интересно услышать, что для вас означает это слово «художник»?**

– Затрудняюсь ответить. Я себе таких вопросов не задавал. Пожалуй, даже невозможно ответить. Здесь очень много аспектов.

– **Помимо умения рисовать...**

– Я затрудняюсь. Это слишком объёмно. Некоторые вещи я и не пытаюсь даже объяснить. Лучше говорить на какие-то отвлечённые темы, и среди ответов на другие вопросы это тоже постепенно будет вырисовываться. А что сие означает, я не знаю... Также трудно ответить на вопрос, что такое творчество. Гораздо лучше отвечать косвенно, ассоциативно...

– **Вы мало куда выбираетесь, но, тем не менее, ваш круг общения весьма широк. Вы в курсе всего, что про-**

исходит в сфере искусства. Назовите кого-нибудь из вашего круга.

– В разные периоды были разные люди. Часто совершенно противоположные по своим суждениям. И по сей день так это остаётся. В нашем разговоре уже проскользнули имена Дейнеки, Харджиева, Костаки... Всех сразу вспомнить достаточно сложно. Они все очень и очень разные. Например, Айги, Кручёных, Лундстрем, Тарковский или Шукшин.

– **А что вам наиболее интересно в истории мировой живописи?**

– Чтобы на этот вопрос ответить, его надо конкретизировать. Что, например, мне нравилось в 1957 году? Или в 61-м? В разные годы мне было близким разное. А суммировать всё – невозможно.

– **То есть таких пристрастий, которые бы через всю жизнь прошли, нет?**

– Есть, но они перманентны. Они уходят, а потом возвращаются. Но чего-то одного, вокруг которого бы всё вращалось, такого нет.

– **Игорь, как вы считаете, чтобы быть сформировавшимся художником, как и писателем, необходим определённый жизненный опыт? Вы сказали, что «академики живописи», объясняя, почему вас не приняли в Суриковское, назвали главной причиной то, что вы уже сформировавшийся, а ведь вам тогда было всего-то девятнадцать.**

– Это не совсем так. Конечно, я не был ещё сформировавшимся художником, но я хотел принимать самостоятельные решения. Да я и сейчас не ощущаю себя полностью сформировавшимся. Если бы это случилось, то я бы, наверное, прекратил все занятия живописью. Я не отношусь к тем людям, которые, раз найдя что-то, чётко этому следуют. Да и дорогу ведь не выбирают, она нас сама выбирает. И есть два пути – творческий и коммерческий. Других нет. Но иногда сумма поисков и даёт тот результат, который называется стилем, потому что их объединяет общий

тембр. Должен быть какой-то музыкальный слух, а он, как правило, бывает не у каждого. Всё остальное – побочное!

– **И всё же очень важный вопрос о соотношении творчества и коммерции...**

– Это ведь касается всех, и не только художников. Что же касается наших российских художников, то раньше эта проблема задевала их меньше всего.

– **Но вы же никогда не были советским художником в прямом понимании этого слова, вы не работали под госзаказ...**

– В этом смысле – нет. Но всё равно какие-то общие представления порой довлеют над людьми, парализуют волю. Тем не менее у нас раньше коммерческое не играло такой роли, как на Западе. И это был очень мощный фактор, который сказывался буквально на всём. И лишь некоторые художники, какие-то очень богатые или очень сумасшедшие, выбиваются из общего уровня.

– **Вам, насколько я понимаю, не нужны внешние впечатления. Вы ведь мало где бываете. Не обязательно ехать за границу, а предположим, на Волгу, на натуру.**

– Желание поехать у меня, конечно, бывает, но когда туда попадаю, то понимаю – здесь, в мастерской, лучше, потому что здесь – умещается весь мир! А так возможности куда-то поехать у меня было много, но я их упускаю...

– **Игорь, как, по-вашему, отличается ли нынешняя ситуация от советских времён, когда информация о том, что происходит в области искусства на Западе, с трудом до нас доходила?**

– Какая-то разница всегда была, но противопоставлять Запад и Восток глупо, потому что русское искусство всегда участвовало в мировом процессе. Карл Брюллов, предположим, или Кандинский...

– **А сильно ли отличается наша система художественного образования от западного?**

– Отличается. У нас всё же упор делается на академизм, это от старых

времён осталось, хотя и на Западе эта струя тоже существует. Но много и других. Там подход шире и педагоги привлекаются разные, в том числе и авангардисты.

– **Игорь, есть много художников, которые обожают, когда они окружены учениками. А у вас были попытки преподавать, и есть ли у вас ученики?**

– Нет. Никогда. Дело в том, что я не знаю, чему учить...

– **Быть может, кто-то сам изъявлял желание учиться у вас?**

– Слава богу, нет, потому что мне трудно было бы отвертеться. Но на самом деле я настолько во всём не уверен, что непонятно, чему учить. Хотя не совсем. Какой-то короткий промежуток времени я в чём-то могу быть убеждён, тогда я, наверное, смог бы кого-нибудь чему-нибудь научить, но две-три недели пройдет, и я уже ни в чём не уверен.

– **Скажите, а нужно ли вообще художнику образование?**

– Наверное, трамплин общеобразовательный должен быть. И рисовать художник всё же должен уметь. С другой стороны, образование даёт понимание предшествующих эпох. Это общение с предыдущими культурами прежде всего. Как бы тактильное восприятие прошлого...

– **А какие у вас пристрастия в литературе?**

– Точно такие же, как и в живописи и в музыке. В разные периоды нравятся разные...

– **Литература и музыка помогают?**

– Да, безусловно, это у меня вообще внутренняя потребность.

– **А что ближе, западная или русская культура?**

– Для меня важна не география и не история, а живое это или нет. То есть другая перспектива. Порой какая-нибудь средневековая поэзия кажется гораздо более современной, чем то, что написано недавно.

– **А кто из современных художников вам ближе, российские или западные?**

– В первую очередь американские. Они более свободные, что ли. Остальные более зажатые рамками... Правда, у немецких и североευропейских художников тоже есть определённая раскрепощённость. И нет такого раболепия перед старыми традициями...

– А как бы вы сами обозначили свой стиль? Минималистский или...

– А я слова-то такого не понимаю.

– И всё же это термин общепринятый...

– Да, но требования минимализма – это для меня глупо. Преследовать эту идею и воплощать её для меня неинтересно, потому что те художники, которых минималистами считают, никогда об этом и не думали. Их так называли искусствоведы, и всё. А те, кто следует принципам минимализма сознательно, – это уже коммерческое искусство.

– Кем вы себя считаете, художником андеграунда или кем-то ещё?

– Ни в официозе, ни в диссидентстве я не участвовал, причём здесь у меня были даже не то что принципиальные, а естественноорганические причины. Я не вижу противников в том лагере. Это совсем разные плоскости. А диссиденты и официоз – это люди, которые мыслят в одной плоскости. Я был, быть может, в андеграунде бытовом, но не в социальном.

– Я знаю, что художники, которые в советские времена плохо продавались, грузчиками подрабатывали, фарцевали, чтобы прожить, а вы? Вообще в жизни у вас были тяжёлые времена?

– Сплошные тяжёлые! Но я старался физической работой не подрабатывать. Зато работал актёром, потом в духовной академии в Троице-Сергиевой лавре... К тому же мои работы иностранцы довольно много покупали...

– Сейчас, по-моему, то время многие с удовольствием вспоминают – ностальгируют. Появилась даже своего рода индустрия. Многие себе карьеры на этом сделали...

– Да, но меня это никак не привлекало, ни интеллектуально, ни как источник вдохновения или информации.

– А сколько про вас писали?

– Немного. Вот, например, была большая публикация в датской газете «Культура». Где-то у меня была подборка материалов, да затерялась.

– Геннадий Айги про вас в своём цикле стихотворений «12 параллелей к Игорю Вулоху» написал так: «Болельщик младенца, беспокойство деревьев». Узнаёте себя?

– Не знаю даже, с чего это он...

– Игорь, вы следите за мировой художественной мыслью? Западные журналы читаете?

– Да, американские, например, «Art forum», французские... Но так, от случая к случаю. Потом, я же практически никаких языков не знаю...

– Интересно, кто в основном приобретает ваши работы?

– И у нас в стране тоже покупают...

– Игорь, как долго вы работаете над одной картиной?

– Я очень быстро работаю. Более того, если я заранее вижу всю картину в целом, то я её не делаю, она у меня так в голове и существует...

– Вы считаете себя плодовитым художником?

– Нет.

– Тем не менее в Швейцарии собираются выставить около трёхсот работ. Интересно, а сколько их всего?

– Практически невозможно сосчитать. Ведь то, что вижу сразу, я уже говорил, не делаю. Но ведь они тоже существуют, пусть и виртуально!